

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-89-99

УДК 101.1:316

Дискурс нормализации: исторические предпосылки и теоретические основы развития

Андропова Татьяна Сергеевна,

аспирант кафедры социальной философии

департамента философии Уральского гуманитарного института УрФУ,

620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51

ORCID: 0009-0002-1245-7190

kts83@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу дискурса нормализации как особой формы социального регулирования. Цель исследования – выявить исторические предпосылки и теоретические основы его формирования. Решаются три задачи: проанализировать социально-исторические предпосылки становления дискурса нормализации в XVII–XVIII вв., когда совершается переход от репрессивных форм власти к рационально организованным системам управления населением, знанием и субъективностью; разграничить смежные понятия (норма, норматив, нормация, стандартизация, нормализация); сопоставить нормализацию и нормативность как различные механизмы социального регулирования. Методология сочетает историко-философский анализ с концептуальными подходами М. Фуко, теорией нормализма Ю. Линка и феноменологией «своего» и «чужого» Б. Вальденфельса, а также опирается на современные исследования нормы и нормальности (М. Халоун, М. Спина, Д. Тейлор).

Выделены пять ключевых предпосылок формирования дискурса нормализации: научная революция XVII в., утвердившая механистическое видение человека как объекта рационального анализа; философия рационализма и Просвещения, сформировавшая идеал разумного субъекта; государственное строительство и бюрократия, породившие биополитику и дисциплинарные институты; развитие медицины, психиатрии и статистики, установивших норму как статистически усредненный показатель; секуляризация христианского наследия, превратившая идеи греха и исправления в светские практики социального контроля.

В статье показано, что нормализация представляет собой многослойный процесс – эпистемологический, институциональный, культурный и телесный – и отличается от нормативности по характеру функционирования (внешний – внутренний), направлению действия (сверху вниз – снизу вверх) и темпоральной структуре (предшествование действию – формиро-

вание из практики). Она превращает правило в привычку, власть — в согласие, а отклонение — в потенциал обновления.

Результаты исследования показывают, что нормализация выступает фундаментальным механизмом формирования управляемой субъективности, воспроизводства социального порядка и поддержания баланса стабильности и адаптации, что делает ее ключевым понятием социально-политической философии.

Ключевые слова: нормализация, дискурс нормализации, норма, норматив, нормация, стандартизация, нормативность, субъективность, социальное регулирование.

Discourse of Normalization: Historical Prerequisites and Theoretical Foundations of Development

Tatiana Andronova,

*Post-graduate student of the Department of Social Philosophy,
Department of Philosophy of the Ural Institute for the Humanities
of the Ural Federal University,
620083, Yekaterinburg, Lenin St., 51, office 340
ORCID: 0009-0002-1245-7190
kts83@mail.ru*

Abstract

The article analyzes the discourse of normalization as a specific form of social regulation. The aim of the research is to reveal the historical prerequisites and theoretical foundations of the formation of the discourse of normalization. To achieve this aim, the following objectives are addressed: to analyze the socio-historical prerequisites for the emergence of the discourse of normalization in the 17th–18th centuries, when a transition took place from traditional repressive forms of power to rationally organized systems of managing the population, knowledge and the formation of subjectivity; to differentiate related concepts (norm, normative rule, normation, standardization, normalization); to compare normalization and normativity as different mechanisms of social regulation. The methodology combines historical and philosophical analysis with the conceptual approaches of Michel Foucault, the theory of normalism of Jürgen Link and the phenomenology of the “own” and the “alien” of Bernhard Waldenfels, and also relies on contemporary studies of norm and normality (M. Haloun, M. Spina, D. Taylor).

Five key prerequisites for the formation of the discourse of normalization are highlighted: the scientific revolution of the 17th century, which laid down a mechanistic vision of the world and man as an object of rational analysis; the philosophy of rationalism and the Enlightenment, which established the ideal of a rational subject and the need for normalization through education and socialization; state building and bureaucracy, which gave rise to biopolitics and disciplinary institutions (schools, hospitals, prisons, the army); the development of medicine, psychiatry and social sciences (statistics, demography), which

established the norm as a statistically averaged indicator; the secularization of the Christian heritage, which transformed the ideas of sin and correction into secular practices of social control.

Special attention is paid to the differentiation of the concepts of norm, normative rule, normation, standardization and normalization, as well as to their interaction. Normalization appears as a multi-layered process – epistemological, institutional, cultural and bodily. The author analyzes its difference from normativity in terms of the character of functioning (external – internal), the direction of action (top-down – bottom-up) and the temporal structure (preceding action – emerging from practice). Normalization integrates rationalization, biopolitics and disciplinary practices, ensuring the transition from external coercion to the internal self-organization of society, turning rule into habit, power into consent, and deviation into a potential for renewal.

The results of the study show that normalization is a fundamental mechanism for the formation of governed subjectivity, the reproduction of social order and the maintenance of a balance between stability and adaptation. The study of this phenomenon is of key importance for socio-political philosophy, allowing us to understand the nature of modern power and the self-regulation of society.

Keywords: normalization, discourse of normalization, norm, normative rule, normation, standardization, normativity, subjectivity, social regulation.

Библиографическое описание для цитирования:

Андропова Т.С. Дискурс нормализации: исторические предпосылки и теоретические основы развития // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 1. – С. 89–99. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-89-99.

Andronova T. Discourse of Normalization: Historical Prerequisites and Theoretical Foundations of Development // *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 1, pp. 89–99. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-89-99.

Введение

Структуру европейского общества XVII–XVIII вв. ознаменовали радикальные изменения, затронувшие философские представления о природе человека и принципах общественного порядка. В этот период возникает потребность в новом типе социального регулирования, основанном на рациональности и систематической управляемости поведением. Именно в данном контексте постепенно утверждается дискурс нормализации – целостная система взглядов и практик, ориентированная на установление нормативных моделей поведения, мышления и социального существования. Исторические предпосылки этого процесса прослеживаются в нескольких тесно взаимосвязанных сферах, образующих единое смысловое поле, в котором каждый элемент усиливает и конкретизирует действие остальных.

Цель настоящего исследования – выявление исторических предпосылок и теоретических основ формирования дискурса нормализации. Достижение поставленной цели предполагает решение трех задач. Во-первых, необходимо проанализировать социально-исторические предпосылки становления дискурса нормализации в европейском обществе XVII–XVIII вв. Во-вторых, требуется разграничить систему смежных понятий – норму, норматив, нормацию, стандартизацию и нормализацию, – образующих концептуальный каркас исследуемого дискурса. В-третьих, следует сопоставить нормализацию и нормативность как два различных механизма социального регулирования. Решение этих задач позволит показать, каким образом нормализация превращается в фундаментальный механизм формирования субъективности и воспроизводства социального порядка.

Предпосылки формирования дискурса нормализации

Становление дискурса нормализации не было следствием единичного события или сознательного замысла: оно складывалось постепенно, на пересечении научных, философских, административных и религиозных трансформаций Нового времени. Каждая из этих сфер вырабатывала собственный способ измерять, сравнивать и упорядочивать человеческое поведение, и именно их наложение друг на друга создало условия, при которых норма приобрела статус универсального инструмента социального регулирования. Ниже выделены пять предпосылок, представляющих ключевыми для понимания этого процесса; они рассматриваются не как изолированные факторы, а как взаимодополняющие линии единого исторического сдвига – от внешнего принуждения к внутренней управляемости.

Первая предпосылка. Научная революция XVII в. коренным образом изменила представления о мире, утвердив механистическое понимание реальности. Открытия Г. Галилея, Р. Декарта и И. Ньютона сформировали картину природы как упорядоченной системы, действующей по объективным универсальным законам. Вслед за этим и сам человек стал рассматриваться как часть природы – объект, поведение которого можно изучать, предсказывать и регулировать. Возникает стремление перенести естественно-научные методы на изучение общества, что стало важнейшим импульсом для практик нормирования и стандартизации поведения. Научная революция инициировала решительный отход от теологического объяснения человеческих состояний к их эмпирическому исследованию, заложив фундамент для формирования тех научных дисциплин, которые впоследствии станут инструментами нормализации: медицины, психиатрии, педагогики, криминологии и демографии. Каждая из этих дисциплин по-

своему воплотила стремление эпохи к рациональному познанию и управлению человеческой природой.

Вторая предпосылка. Философия рационализма и Просвещения закрепила разум как универсальное основание организации общественной жизни. Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Вольтер развивали идею рационального субъекта, наделенного правами, но обязанного подчиняться универсальным законам. Свобода трактовалась не как вседозволенность, а как способность добровольно следовать нормам. Тем самым закладывалась идея: по-настоящему свободен лишь тот, кто умеет управлять собой. Просвещение создало образ «идеального субъекта» – разумного, нравственного гражданина. Относительно этого образца стали оценивать реальных людей и определять, кто «нормален», а кто нуждается в перевоспитании. Так зародился механизм классификации людей по степени их соответствия норме. Институты воспитания и социализации формируют определенный тип личности, соответствующий представлениям эпохи о рациональности. Просветительский проект содержал не только освободительный, но и нормализующий потенциал: освобождая человека от религиозного авторитета и сословных ограничений, он одновременно подчинял его новым, рационалистическим стандартам должного поведения и мышления. На основе этих философских идей возникает представление о гражданине как носителе прав и обязанностей, выполнение которых становится критерием социальной полноценности и нормальности.

Третья предпосылка. Формирование централизованных государств и бюрократии. С усилением абсолютистских монархий возникает необходимость систематического регулирования численности и естественного движения населения (переписи, метрические книги, ревизии), материального распределения (податное обложение, рекрутские наборы, хлебные запасы) и повседневного поведения подданных (санитарные и полицейские предписания, регламентация труда, торговли и передвижения). Бюрократическая инфраструктура обеспечивает стандартизацию управления, а государственные институты – школы, больницы, тюрьмы, армии – выполняют не только контрольные, но и формирующие функции, целенаправленно воспитывая индивидов, соответствующих критериям «нормальности». Возникает биополитика – технология власти, сосредоточенная на управлении жизнью: рождаемостью, здоровьем, трудовой активностью. В отличие от репрессивных форм, биополитика стремится не подчинить, а направить и оптимизировать жизненные процессы. Как отмечает М. Фуко, ключевые институты нормализации активно формируют предсказуемых управляемых субъектов, а норма становится не только ориентиром, но и инструментом социальной селекции, устанавливающим, кто является «здоровым»

и полноценным гражданином, а кто нуждается в коррекции или исключении из общественной жизни [2, 5].

Четвертая предпосылка. Развитие медицины и психиатрии выстраивает представление о «нормальном» и «отклоняющемся» в человеческой природе. Как показано в исследовании М. Халоуна, посвященного концепциям нормы Ж. Кангилема и М. Фуко, норма – продукт историко-эпистемологического развития: медицина оперирует статистически усредненными показателями, устанавливая норму как точку отсчета для оценки состояния [4]. Патологическое, согласно Ж. Кангилему, представляет собой не абсолютную противоположность нормы, а «переопределение нормы в конкретном теле», что свидетельствует о динамическом характере нормативности [4]. Развитие статистики и демографии вводит норму как средний показатель, относительно которого определяются отклонения. М. Фуко указывает, что медицина, психиатрия, педагогика и педология производят нормативные истины через систематическое обследование, диагностику и мониторинг, помещая индивида в пространство постоянного сопоставления и ранжирования [3, 5]. Медицинское и научное знание становится не только средством познания, но и инструментом власти, определяющим границы нормального существования.

Пятая предпосылка. Секуляризация христианского наследия. Идея нормы имеет глубокие корни в христианской традиции с ее представлениями о грехе, добродетели и необходимости исправления. Средневековая теология создала концепции «правильного» образа жизни: человек пребывал в состоянии постоянной необходимости покаяния и духовного роста, стремясь к идеалу праведности. В Новое время эти религиозные категории трансформировались в светские практики: отклонение от нормы стало трактоваться не как грех перед Богом, а как социальное нарушение, требующее лечения, перевоспитания или изоляции [2]. Секуляризация не уничтожила религиозную нормативность, а перевела ее на новый язык: грех стал «девиацией», покаяние – «ресоциализацией», при этом структурное сходство с исходными теологическими моделями сохранилось. Этот генетический след христианской нормативности в светских практиках остается значимым для объяснения того, почему современный дискурс нормы часто несет в себе скрытую моральную нагрузку.

Рассмотренные предпосылки не выстраиваются в линейную последовательность причин и следствий: они образуют единую конфигурацию, в которой научная революция дала методы измерения и сравнения, философия Просвещения – образ должного субъекта, централизованное государство – институциональную инфраструктуру, медицина и статистика – количественные критерии оценки, а секуляризованная христианская традиция – моральный фон, придающий отклонению значение вины.

Их пересечение превратило норму из частного правила в универсальный язык описания человека: то, что прежде разделялось на праведное и греховное, законное и преступное, здоровое и больное, оказалось сведено к единой шкале нормального и отклоняющегося. Именно на этом основании складывается дискурс нормализации, дальнейший анализ которого требует уточнения его понятийного аппарата.

Система понятий дискурса нормализации

В современном философском дискурсе для более точного понимания механизмов социального регулирования необходимо разграничить несколько близких по содержанию, но не тождественных понятий [7, 8].

Норма представляет собой исторически и культурно обусловленный ориентир допустимости, активный принцип, регулирующий повседневные способы поведения, общения и самопонимания (то, что в данном сообществе считается уместным, ожидаемым и допустимым) и воспринимаемый как естественный и самоочевидный. Нормы зачастую незримо вплетены в ткань повседневности, задавая критерии, которые воспринимаются участниками социальной жизни как «естественные» и «само собой разумеющиеся». В феноменологической перспективе Б. Вальденфельса граница нормы конституируется через разграничение «своего» и «чужого»: нормальное осознается как таковое лишь при столкновении с иным, выходящим за пределы привычного порядка [1].

Норматив представляет собой формально закрепленное правило с системой санкций за его нарушение и поддерживаемое институциональным принуждением. Если норма действует через согласование ожиданий внутри сообщества, то норматив опирается на институциональные механизмы принуждения.

Нормация – это процесс разработки, кодификации и формализации норм, предшествующий нормативу и создающий для него содержательную основу.

Стандартизация представляет собой техническую унификацию процессов, продуктов и требований, направленную на обеспечение единообразия и воспроизводимости. Стандарты выражаются в четких технических требованиях, касающихся производственных процессов, образовательных программ, медицинских процедур. В отличие от нормализации, которая затрагивает субъективность и повседневные практики, стандартизация работает преимущественно с объективными параметрами и процессами.

Нормализация, в свою очередь, – это динамический процесс внедрения норм в повседневную жизнь, который формирует привычки, восприятие и ценности через дисциплинарные и культурные практики. Она не ограничивается фиксацией допустимого и запрещенного, как норматив, и не

сводится к стандартизации процессов – она формирует саму субъективность: внутренний мир человека, его самоощущение и способы восприятия реальности. Именно нормализация обеспечивает непрерывное воспроизводство норм в повседневной жизни, выходя за рамки правового регулирования и вплетаясь в практики, тело и язык человека.

Разграничение понятий нормы, норматива, нормации, стандартизации и нормализации

Differentiation of the concepts of norm, normative rule, normation, standardization and normalization

Понятие	Описание	Механизм действия
Норма	Социальное ожидание, эталон допустимого	Социальное давление, ожидание
Норматив	Формализованное правило с системой санкций	Институциональное принуждение
Нормация	Процесс разработки и утверждения норм	Формулирование, кодификация
Стандартизация	Унификация процессов, продуктов, требований	Техническое регулирование
Нормализация	Динамический процесс формирования нормированной субъективности	Дисциплинарные и культурные практики

Источник: выполнено автором.

Source: compiled by the author.

Субъективное усвоение норм является ключевым аспектом, связывающим стандартизацию и нормацию с нормализацией в единый процесс. Оно включает внутреннее принятие норм через повторяемые действия, привычки, телесные диспозиции и символические практики. Усвоение норм не требует внешнего принуждения: оно опирается на ощущение естественности происходящего и выработанную привычку предугадывать социально допустимые действия. В совокупности все эти процессы образуют динамическую систему, в которой социальное давление интегрируется во внутренние структуры личности, формируя устойчивый, но гибкий порядок, воспринимаемый как естественный.

Таким образом, нормализация выступает связующим звеном между формальными требованиями и живой практикой, превращая абстрактные предписания в конкретный повседневный опыт.

Нормативность и нормализация

В социально-философском плане нормализация принципиально отличается от нормативности по трем ключевым параметрам: характеру функционирования (внешний или внутренний), направлению действия (сверху вниз или снизу вверх) и темпоральной структуре (предшествование действию или формирование из практики) [8].

По характеру функционирования нормативность имеет внешний, трансцендентный характер: это система предписаний, законов и моральных требований, которые задаются извне и адресуются каждому для исполнения. По своей природе она является формой принуждения, пусть и символического: поведение должно соответствовать заранее установленным образцам, а несоответствие влечет санкции. Нормативность опирается на страх перед санкцией, поэтому эффективна лишь в краткосрочной перспективе: она способна быстро упорядочить и стабилизировать социальную жизнь, но при ослаблении контроля порядок разрушается, поскольку держится не на внутреннем согласии людей, а на внешнем давлении. Нормализация, напротив, имманентна: она действует изнутри, укореняясь в привычках, телесных диспозициях и самоощущении человека. Ей не требуется постоянный внешний контроль: люди воспроизводят нормы добровольно, часто не осознавая этого, — они не выполняют приказ, а просто делают то, что кажется им разумным и естественным. Именно поэтому нормализация оказывается более устойчивой формой социального регулирования: она опирается не на страх наказания, а на внутреннее убеждение человека в правильности своих действий.

По направлению действия нормативность разворачивается сверху вниз — от центра власти к индивиду. Она иерархична: одни люди устанавливают правила, другие обязаны им подчиняться, поэтому для ее поддержания необходимы центр управления и аппарат контроля. Нормализация же распространяется снизу вверх: она возникает из повседневных практик, повторяющихся действий и взаимных ожиданий людей. Ее логика горизонтальна: нормы распространяются не через приказ, а через то, что люди просто делают одно и то же, считая это «нормальным». Для этого не нужен центр управления — достаточно, чтобы участники разделяли общее понимание допустимого. Это создает устойчивое ощущение «естественности» порядка, которое оказывается прочнее любого порядка, основанного на принуждении.

По темпоральной структуре нормативность предшествует действию: правила задаются заранее, и человек действует в заданных рамках; действие становится вторичным — реализацией предписанного сценария. Нормализация, напротив, формируется вместе с действием или после него: сначала

возникает поступок, затем он повторяется и постепенно становится нормой. То, что было исключением, превращается в образец; то, что казалось невозможным, становится обыденным. Каждое отклонение может стать началом новой нормы, если повторится и будет воспринято как приемлемое. Эта динамика соответствует концепции «гибкого нормализма» Ю. Линка, согласно которой границы нормального постоянно переопределяются, проходя через циклы денормализации и утверждения «новой нормальности» [6]. Именно открытость к новому отличает нормализацию от нормативности, которая стремится зафиксировать границы раз и навсегда. Благодаря этому нормализация способна перерабатывать отклонения в новые формы устойчивости, обеспечивая обществу гибкость и способность к обновлению: нормативность стремится сохранять существующий порядок, нормализация же – преобразовывать его, создавая новые формы устойчивости из самой социальной жизни.

Заключение

Нормализация представляет собой тонкий и подвижный баланс между стабильностью и изменением. Она поддерживает согласованность общества и обеспечивает предсказуемость социального взаимодействия, но одновременно остается открытой к пересозданию, поскольку любое отклонение потенциально может стать основой для новой нормы. Это делает ее гибкой, жизнеспособной и исторически подвижной формой организации социальной реальности, ключевым понятием для понимания современной власти, воспроизводства субъективности и саморегуляции общества.

Таким образом, изучение нормализации имеет значение не только для понимания механизмов социального контроля, но и для анализа того, как общество сохраняет жизнеспособность, гибкость и способность к развитию. Понимание различий между нормативностью, нормой, стандартизацией, нормацией и субъективным усвоением позволяет увидеть, каким образом внешние предписания и внутренние практики взаимодействуют с психологическими механизмами и философскими основаниями социального порядка, формируя устойчивую, но живую и саморегулируемую систему. Именно эта многоуровневая интеграция внешнего, внутреннего и философско-психологического аспектов делает нормализацию центральным понятием при исследовании социальной динамики, самоорганизации и саморегуляции общества. Дальнейшее исследование данной проблематики представляется перспективным как в направлении углубленного анализа отдельных исторических предпосылок нормализации, так и в направлении изучения ее новейших форм, связанных с цифровизацией, алгоритмическим управлением и трансформацией современных социальных институтов.

Литература/References

1. Тейтельбаум Е.С. Дихотомия «свое/чужое» в феноменологии Б. Вальденфельса: проблема определения, восприятия и осмысления «инаковости» // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. – 2011. – Т. 6, № 3. – С. 148–156.

Teytelbaum E.S. Dikhotomiya «svoe/chuzhoe» v fenomenologii B. Val'denfel'sa: problema opredeleniya, vospriyatiya i osmysleniya «inakovosti» [The dichotomy of «own/alien» in B. Waldenfels' phenomenology: the problem of defining, perceiving and comprehending otherness]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennyye nauki* = *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3, Social and Political Sciences*, 2011, vol. 6, no. 3, pp. 148–156.

2. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2005. – 432 с.

Foucault M. *Nenormal'nye: kurs lektzii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal: lectures at the Collège de France in the 1974–1975 academic year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 432 p. (In Russian).

3. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.П. Тхостова. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.

Foucault M. *Rozhdenie kliniki* [The birth of the clinic]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 310 p. (In Russian).

4. Haloun M. *Normality and Normativity: On the Vital and Social Norms in the Works of Canguilhem and Foucault*. Master's Thesis. Prague, Charles University, 2017.

5. Kammler C., Parr R., Schneider U.J., eds. *Foucault-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*. 2nd ed. Stuttgart, J.B. Metzler, 2020. DOI: 10.1007/978-3-476-05717-4.

6. Link J. Crisis between “Denormalization” and the “New Normal”: Reflections on the Theory of Normalism Today. *Norms, Normality and Normalization*. Ed. by M. Uecker, D. Goettsche. Nottingham, University of Nottingham, 2014, pp. 7–17.

7. Spina M. Norm and Normality, Starting from Merleau-Ponty. *Phenomenology and Mind*, 2012, no. 3, pp. 36–44. DOI: 10.13128/Phe_Mi-19606.

8. Taylor D. Normativity and Normalization. *Foucault Studies*, 2009, no. 7, pp. 45–63.

Статья поступила в редакцию 06.03.2026.

Статья прошла рецензирование 20.04.2026.

The article was received on 06.03.2026.

The article was reviewed on 20.04.2026.